

22. Amnesty International, <http://report2009.amnesty.org/en/regions/europe-central-asia/albania> стан з дня 22 kwietnia 2010.

23. Bielenin, K. Zgodnie z Kanunem, czyli o prawie zwyczajowym w Albanii, <http://etnologia.pl/europa/teksty/zgodnie-z-kanunem-prawo-zwyczajowe-w-albanii.php> z dnia 28.08.2009

24. <http://encyklopedia.pwn.pl/haslo.php?id=4001999> стан з дня 22 kwietnia 2010,

25. <http://www.unesco.org/archi2000/pdf/rassam.pdf> стан з дня 22 kwietnia 2010.

26. Pasięka A., Społeczeństwo albańskie u progu XXI wieku – tradycja i/czy nowoczesność?, http://krytyka.org/pokaz_pracenaukowa.php?id=39 стан з дня 22 kwietnia 2010.

КРЕСТЬЯНСТВО БЕЛАРУСИ В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ 1831 И 1863 гг.

О.В. Карпович

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь

Крестьянство составляло самый многочисленный, обездоленный и бесправный класс населения Российской империи. Крепостное право (а фактически рабство) дамокловым мечом висело над этим сословием. Согласно исследованиям Н.Н. Улащика, из 265104 крестьян м.п., проживавших в Гродненской губернии (без Новогрудского уезда) в 1834 г., 195792 крестьян (или 73,9 %) принадлежало помещикам [14, с. 52, 62, 67].

Поэтому, говоря об участии крестьян в восстании 1831 г., прежде всего следует отметить, что значительное число крестьян-повстанцев составляли именно крестьяне, принадлежащие как частным владельцам, так и католическим монастырям. Эта категория была вынуждена идти в отряды под угрозой насилия [5, с. 54]. Так, в приказе повстанческого начальника Ошмянского уезда помещика (и по совместительству председателя уездного суда) Порфирия Важинского указывалось всем помещикам уезда «доставить под страхом смерти в Ошмяны с 20 душ» по 2 человека конных и пеших с 10-дневным провиантом. По свидетельству одного из участников восстания, в общей сложности в Ошмянском уезде удалось набрать до 5000 «мужиков с пиками и косами». По другим данным подобным образом удалось набрать около 2500 человек из запланированных 8 тысяч [12, с. 129; 3, с. 67–68]. В Кобринском уезде помещик Корженевский сдал в отряд Титуса Пусловского 18 своих крестьян [11, л. 8–9]. Монах Березовского Картезианского монастыря Гениуш поставил в этот же отряд 10 вооруженных крепостных крестьян [8, л. 8]. Помещики Дисненского уезда Даниил Рудомино и Юлиан Розенфельд поставили в отряды около 70 кантонистов из крестьян. Помещик Вилейского уезда Крукович поставил 11 крестьян [8, д. 5, л. 18; 9, л. 193]. Нередко помещики поставляли крестьян в отряды, выдавая потом это за бегство [3, с. 87].

Иногда для привлечения большего количества населения в отряды крестьянам обещалось со стороны своих помещиков уменьшение повинностей, вплоть до предоставления вольной. Так, на юге Минской губернии из крестьян своего имения сформировал отряд помещик Мозырского уезда Феликс Кеневич. Позднее Кеневич приказал набрать из имений соседних помещиков до 60 крестьян, попутно обещая им землю и отмену барщины [16, с. 53–55].

Некоторые командиры отрядов, привлекая крестьян к восстанию, обещали денежное вознаграждение за каждый день службы. Помещик Лидского уезда Михаил Гедройц привлекал в свой отряд крестьян, платя им по 30 копеек серебром в сутки. Но, в основном, такие уловки со стороны повстанческого руководства были скорее исключением из правил.

Нередки были случаи добровольного ухода крестьян к повстанцам. Прежде всего, это было связано с определенной надеждой на освобождение от крепостной зависимости и наделения землей в случае успеха восстания. Ряд крестьян активно занимался агитацией среди своих односельчан в пользу восстания, причем среди агитаторов были и представители восточнославянских фамилий, как например, крестьянин Гродненского уезда Петр Охремов [12, с. 128].

Основываясь на собственных исследованиях, удалось установить следующее количество крестьянского населения Беларуси, принимавшего участие в восстании 1830–1831 гг. (см. таблицу 1)

Таблица 1 – Участие крестьян Беларуси в восстании 1830–1831 гг.

Губернии	Количество репрессированных крестьян	Количество проживающих в регионе (м.п.)
Виленская (бел. уезды)	50	69339
Гродненская	271	265104
Минская	120	353282
Всего	441	687725

Таким образом, 1 крестьянин – участник восстания приходился в среднем на 1570 неактивных коллег по сословию, что говорит о пассивной позиции крестьянства по отношению к восстанию.

Власти признавали безвыходное положение крепостных крестьян, вынужденных вступать в повстанческие отряды. Вот что отмечал в своем донесении полоцкий комендант полковник Данилов после разгрома одного из отрядов в Дисненском уезде: «Но как крестьяне, часто обманутые и не знавшие истинного намерения насильственного сгона их в Лужки, состоят под неограниченной властью своих помещиков..., то вообще дворовые люди и крестьяне виновны менее шляхтичей. Крестьяне из своих деревень, будучи под строгим присмотром поставлены в Лужки, приведены к присяге и подведены к двум устроенным виселицам с тем, что всякая отлучка из стана мятежников накажется виселицей» [6, с. 352].

В отличие от восстания 1831 г., участие крестьян в восстании 1863 г. имеет другие особенности. Здесь следует учесть добровольный уход крестьян в леса, по крайней мере, в местах с наибольшей концентрацией католического населения – северные уезды Минской и Гродненской губерний. Это связано с возросшей активной пропагандой повстанческого руководства среди крестьянского населения, с целью привлечения его к восстанию. Повстанцы не скупилась на обещания широкой раздачи земли крестьянам, но при условии «защиты польской земли от москалей». Правда, о воплощении этих обещаний в жизнь повстанцы так и не позаботились.

Как отмечали правительственные власти, крестьянство оказалось между двух огней. Столь широко разрекламированные аграрные преобразования повстанцами не проводились. Повстанцы объявляли крестьянам Манифест, «приводили их к присяге на верность революционному правительству, составляли акт – и на этом дело кончалось. Отряд уходил, оставляя крестьян один на один с помещиком, его администра-

цией и царскими войсками...» [2, с. 432]. «Взволнованное состояние края, некоторая парализация в действии правительственных лиц, дает силу угрозам революционной партии, преимущественно обращенным против крестьян, за их малое сочувствие польскому делу. С другой стороны, пропагандисты предлагают даром землю и все, о чем постоянно мечтают крестьяне, если последние становятся на их сторону. Понятно, почему независимо от других причин, крестьяне боятся сделать какой-нибудь шаг... Они понимают, что при малейшей неосторожности пострадают они одни», – писал командующий войсками в Гродненской губернии генерал Захар Манюкин о настроениях крестьян в регионе [4, с. 497]. Неслучайно, при первой возможности крестьяне бежали из отрядов. Так, на конец 1863 г. в общей сложности из отрядов добровольно явились к властям только из Волковысского уезда 94 крестьянина [7, лл. 31–34].

Общее количество крестьян, принявших участие в восстании 1863 г., можно увидеть в таблице 2.

Таблица 2 – Участие крестьян Беларуси в восстании 1863 г.

Губернии	Количество репрессированных крестьян	Количество проживающих в регионе (м.п.)
Виленская (бел. уезды)	196	173050
Витебская (бел. уезды)	28	79140
Гродненская (бел. уезды)	278	220153
Минская	253	278992
Могилевская	120	268114
Всего	875	1019449

Таким образом, в среднем один принявший участие в восстании крестьянин приходится на 1165,1 своих неактивных коллег по сословию. Среди регионов по количеству принявших участие в восстании крестьян лидирует Гродненская губерния (31,7 %), в то же время по показателям соотношения общего числа проживающего крестьянства и принявшего участие в восстании этот критерий в данном регионе составляет лишь 0,1 %, что свидетельствует о пассивном отношении основной массы крестьянского слоя к восстанию как в Гродненской губернии в частности, так и по всей Беларуси в целом.

Вместе с тем, крестьяне южных (южные уезды Минской губернии и восточных регионов Беларуси (Витебская и Могилевская губернии) не только не поддержали восстание, но и сами активно помогли правительственным войскам вылавливать повстанцев. Так, активную помощь в разгроме отрядов Пусловского и Шалевича, как и пленению повстанцев оказали «тамошние крестьяне» [209, s. 19–20]. Участвовавшие в разгроме отряда Станислава Лясковского в Игуменском уезде крестьяне выразили свое отношение к повстанцам более чем откровенно: «пусть гниют» – об убитых и «пустьдохнут» – о раненых [1, ч. 2, с. 199]. В Пинском уезде местные крестьяне немало способствовали разгрому отряда Романа Рогинского и пленению его самого [1, ч. 1, с. 73]. Уже в первые дни восстания на Могилевщине начинаются столкновения крестьян с повстанческими отрядами. В Рогачевском уезде при активной поддержке крестьян был разбит отряд Анцыпы. Благодаря крестьянам ликвидируется отряд Будзиловича и 21 человек попадает в плен. Крестьяне Заречной Слободы (близ г. Горки) убили несколько студентов-агитаторов, пришедших в деревню поднимать «народ на борьбу». В самих Горках местные разъяренные крестьяне устроили настоящую охоту на поджигающих их дома студентов-повстанцев, убив одного и избив до потери сознания трех человек [15, с. 56].

Столь потрясающая активность крестьян по противодействию повстанцам имеет свои причины. Как известно, в ходе самого восстания власти были вынуждены подкорректиро-

вать свое отношение к крестьянскому населению, всеми силами стараясь обрести в нем надежного союзника. В ход шло противопоставление «поляков-помещиков» православному крестьянству; внушение крестьянам, что во всех их бедах виноваты «паны-помещики», намеревавшиеся вернуть крепостничество; наконец, и умелые действия властей по материальному стимулированию крестьян, независимо от конфессиональной принадлежности, в их борьбе против повстанцев. Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев издал распоряжение о том, что «за каждого пойманного... и представленного военному уездному начальнику мятежника, какого бы звания и состояния он не был», крестьяне получали по 3 руб., а за вооруженного – по 5 руб. [13, с. 121].

Отдельно следует сказать про отрицательную позицию крестьянства к восстанию на востоке Беларуси. Здесь нельзя говорить о том, что крестьянский слой полностью был верен правительству России в этом регионе и поэтому не поддержал восстание. Скорее всего, сыграли свою роль определенная консервативность и инертность крестьянского населения. Ведь, не секрет, что огромное влияние на крестьянское сословие на востоке Беларуси издавна оказывала Россия, в частности Православная Церковь, проповедовавшая беспрекословную преданность престолу. Неслучайно, лепельский уездный исправник подполковник Измайлов в рапорте витебскому губернатору Веревкину о настроениях крестьян в своем уезде отмечал: «Крестьянские жилища – чистые лачуги, многие из них явно грозят разрушением, так что в настоящее время в некоторых из них и жить опасно. Везде и на каждом шагу проявляется бедность, нищета и крайнее раздражение крестьян против своих панов-поляков, которых они гласно называют «мятежниками-кровопийцами, губящими народ православный, единственно вырвать с него последний грош и употребить на заграничную свою поездку или на мятеж. За батюшку нашего Царя-православного все мы свои головы понесем, но не будем служить мятежным своим панам..., ведь они теперь иноземных королей на Россию наводят!». И далее он с удовлетворением заключал: «...отрадно видеть в крестьянах самый чистый и неподдельный русский патриотизм и беспредельную преданность к Государю Императору и к его России. Здесь, за исключением крамольной шляхты, насильно и разными ухищрениями вторгнувшейся в здешнюю белую Русь, здесь во всем остальном слышится Русь» [10, л. 115–116].

Таким образом, относительно участия крестьянства в обоих восстаниях можно сделать следующие выводы.

1. Общее число крестьян-повстанцев в 1863 г. увеличивается почти в 2 раза в сравнении с 1831 г. Увеличение этой численности можно объяснить более широко развернутой агитационной работой повстанческих властей среди крестьянства. Кроме того, после 1861 г. крестьяне в значительной степени почувствовали себя обманутыми непродуманными и половинчатыми мерами правительства по отмене крепостного права. Обещанную землю они так и не получили, а личная свобода фактически была отложена на десятилетний переходный «период», чем на первом этапе восстания воспользовались повстанческие агитаторы, щедро обещая «свободу и землю» при условии защиты «польской земли». Однако дальше обещаний повстанцы не пошли, и крестьянство отвернулось от восстания.

2. В восстании 1831 г. принимали участие, в основном, крепостные крестьяне, принадлежавшие помещикам. Следовательно, у них не оставалось особого выбора, кроме как следовать в лес за своим хозяином либо бежать от его издевательств и унижений тоже в лес, в отряды, в надежде получить свободу и землю в случае успеха восстания. Имелись случаи добровольного прихода крестьян в ряды повстанцев за материальное вознаграждение со стороны некоторых помещиков.

3. Наконец, именно крестьянский слой Беларуси оказался наиболее расколотым: крестьяне сражались как на стороне повстанцев, так и правительственных войск. Уже в ходе обоих восстаний власти были вынуждены несколько изменить свое отношение к самому бесправному классу и попытаться превратить его в своего союзника. Создавая вооруженные караулы из крестьян, и стимулируя их материально при поимке повстанцев, правительство фактически выбило почву из-под ног повстанческого руководства и постепенно перетянуло на свою сторону крестьян даже из западных регионов Беларуси, где наиболее были сильны симпатии к Польше среди этого слоя. Так, 18 июля 1863 г. в Слонимском уезде при значительной поддержке крестьян был разбит повстанческий отряд Лукашевича, сам командир погиб [17, с. 164]. Против отряда Звездовского в Могилевской губернии наряду с войсками действовало до 400 вооруженных крестьян [18, с. 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2-х ч. / Под общ. редакцией А.И. Миловидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; Вильно, 1915. – Ч. 2.

2. Байкова, С.М. К вопросу об участии крестьян Белоруссии в восстании 1863 г. / С.М. Байкова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1961. – С. 422–432.

3. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830-1831 гг. на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск: БДУ, 2001. – 186 с.

4. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі; пад рэд. Н.М. Нікольскага [і інш.] – Мінск: Выд. Акад. навук БССР, 1940. – Т. 2. (1772–1903). – 938 с.

5. Дьяков, В.А. Зайцев, В.М. Обушенкова, Л.А. Социальный состав участников польского восстания 1830-1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) / В.А. Дьяков, В.М. Зайцев, Л.А. Обушенкова // Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 19–60.

6. Кропотков, Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно / Сост. Д.А. Кропотков. – СПб., 1874. – 549 с.

7. НИАБ в Гродно. Фонд 78. – Оп. 6. – Д. 3. О сборе сведений об участниках восстания 1863 г., жителях Волковысского уезда, добровольно явившихся из повстанческих отрядов.

8. НИАБ в Минске. Фонд 561. – Оп. 1. – Д. 2–5. Алфавитный список участников восстания 1831 г.

9. Там же. Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 5240. О доставлении сведений о действиях повстанческих отрядов в белорусских губерниях.

10. Там же. Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31268. Рапорта военных начальников уездов Витебской губернии, переписка со следственной комиссией по политическим делам и циркуляры губернатора.

11. НИАБ в Гродно. Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 305. Следственное дело по обвинению руководителя мятежников Титуса Пусловского и членов его войска за участие в мятеже.

12. Русак, О.Б. Отношение крестьянства Белоруссии к восстанию 1830–1831 гг. / О.Б. Русак // Сельское хозяйство и крестьянство Беларуси (материалы научной конференции, 27–29 октября 1989 г., г. Гомель). – Минск, 1991. – С. 126–135.

13. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях, 1863—1864 / составил Н. Цылов. — Вильно: Типография А. К. Киркора, 1866. — 383 с.

14. Улащик, Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии / Н.Н. Улащик. — М.: Наука, 1965. — 479 с.

15. Цытовіч, С. 1863 год у Горы-Горках (быўш. Магілеўскай губ.). Падзеі паўстання / С. Цытовіч. — Менск: Выд-ва БАН, 1929. — 124 с.

16. Dangel, S. Rok 1863 w Minszczyźnie. Т. 2. / S. Dangel. — Warszawa: Wyd. Instytutu badania ziem wschodnich Rzeczypospolitey Polskiej, 1925. — 189 s.

17. Laniec, S. Litwa i Białorus w dobie konspiracji i powstania zbrojnego, 1863-1864. / S. Laniec — Olsztyn: Ośrodek Badan Nauk im. W. Ketrzynskiego, 2002: — 196 s.

18. Laniec, S. Partyzanci kresow polnocno-wshodnich w powstaniu styczniowym / S. Laniec. — Torun: Top kurier, 1996. — 110 s.

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

И.А. Ковальчук

Волынский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

А.И. Сытник

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

В современном мире достаточно очевидно, что толерантность выступает как базисная необходимость человечества, которая должна быть интегрирована в единую систему ценностей общества. Технократическое мышление, потеря гуманистических ориентиров привели к тотальному господству над природой и человеком. отошли на второй план и были лишены престижа такие понятия, как милосердие, терпимость, благодарность, честь, дружба и т.д. Межэтническая нетерпимость, межконфессиональные конфликты и насилие, локальные войны — это реалии нашего времени и мира в целом. Украина, выстраивая себя на системе демократических ценностей, столкнулась с парадоксальной ситуацией. Политический и мировоззренческий плюрализм, принцип многопартийности, разнообразие конфессий, свобода слова и др. — эти базисные демократические ценности вместе с тем привели к деконсолидации общества, конфронтации в политической, религиозной, этнонациональной и других сферах общества. На этом фоне толерантность, её воспитание становятся важной потребностью человечества.

Разнообразные подходы к пониманию толерантности показывают, что она рассматривается как важная социальная ценность, норма социальной жизни, принцип человеческих взаимоотношений и поведения, личное качество.

Анализ последних исследований и публикаций по проблеме воспитания толерантности раскрывает её как достаточно сложный феномен, который наиболее полно раскрывается на пересечении таких дисциплин, как философия, этика, политология, психология, социология. Каждая из данных дисциплин имеет своё видение сущности толерантности, её методологических оснований. Педагогика в процессе теоретического осмысления проблем воспитания толерантности обращается, прежде всего, к работам социальной философии, философии образования, психологии.